

Она ненавидела тот факт, что присутствие Гарри ставило под угрозу эту помолвку. Нет, Малфой ей действительно не нравился. Не будучи особенно ленивым или тупым, он слишком верил в способности своего отца каким-то образом «сделать так, чтобы всё произошло по его желанию». В основном он был прав насчет влияния отца. На втором курсе он купил Драко место в команде по квиддичу, а влияние Люциуса даже обеспечило Драко собственных телохранителей в лице Крэбба и Гойла - живое доказательство того, что с этим «превосходством чистокровных» что-то не так. Но, несмотря на это: Астория любила Драко, любила его с детства, а радость Астории всегда была очень важна для Дафны, независимо от ее глупых убеждений. Если Драко делал Асторию счастливой, она была готова это принять.

Как можно тише Дафна вышла из своей комнаты и снова спустилась по лестнице. Ей не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что Гарри следует за ней. Дверь в его комнату скрипнула, и он все еще был в туфлях, ступая по мраморному полу. Очень хитро, мистер Поттер.

Миновав дверь в библиотеку, Дафна вошла в следующую комнату, чайный салон, и оставила дверь открытой, чтобы Гарри мог последовать за ней. Судя по его лицу, он только что понял, что его появление не было таким уж сюрпризом, как он ожидал. Дафна подождала, пока он закроет дверь, и открыла служебный люк в соседнюю комнату, чтобы он был приоткрыт, и прежние приглушённые звуки стали теперь различимы, жестом призывая его к тишине.

Стоя бок о бок, оба подростка прислушивались к завязавшемуся спору, причём лицо Гарри открыто демонстрировало его выражение - привет, никаких навыков окклюменции, - а Дафна скрывала свои мысли за безучастным выражением.

«Он не может здесь оставаться», - прорычал Дамблдор. Его обычное дедовское поведение было давно забыто, он расхаживал взад-вперед по библиотеке, пытаясь убедить эту глупую женщину в ее безумном курсе действий. «Это слишком опасно. Вы не сможете защитить его здесь. И его родственники тоже окажутся под угрозой без возобновления кровного попечительства».

Глаза Гарри расширились, и он невольно сделал глубокий вдох, который тут же заглушила тонкая прохладная рука, прижатая к его рту, и смертельный взгляд ледяной Дафны.

«И как это изменится, если Гарри вернется в этот дом ужасов?» Гарри услышал ответ Роксаны. «Я видела эту кровную палату, и даже с моими посредственными знаниями было заметно, что палаты не очень сильны. Возможно, в прошлом они достигли своей цели, но теперь это уже никого не обманет. И причина мне ясна. Семейный оберег - это продолжение связи между членами семьи, продолжение их любви. Но между Гарри и его родственниками нет любви, поэтому она слабеет с каждым годом».

С едва сдерживаемым гневом Роксана пересекла комнату и ухватилась за спинку кресла, скорее для того, чтобы занять руки и не дать себе порыва задушить Дамблдора. Ее мать до сих

пор молчала, лишь ее глаза выражали горячую поддержку в этом вопросе. Дамблдор начал что-то говорить, но его тут же прервали: Роксана уже почти кричала на него.

«Вы сами когда-нибудь были там? Вы когда-нибудь смотрели, разговаривали с Гарри о том, как он живет? Вы обещали мне», - кричала Роксана. «Ты обещал мне, что он не только будет в безопасности, но и будет жить в счастливом доме с любящей семьей. И какой же это был счастливый дом. Нет, они не причиняли ему физическую боль, но даже вы должны знать о душевной, эмоциональной боли. Жить в чулане, одетым в одежду, которая досталась ему от родителей, выполнять работу, когда он должен играть, прятаться от соседей, потому что он «урод». Знаете ли вы, что эти... эти... арг, я даже не знаю подходящего термина для этих ЧЕРТ родственников. Знаете ли вы, что они рассказывали о нем своим соседям? Что он неисправимый малолетний преступник и что большую часть года он проводит в исправительной колонии».

Лицо Роксаны теперь было насыщенно красным, что резко контрастировало с бледностью Дамблдора, которую разделяли Гарри и даже Дафна. В ужасе она поняла, что положила руку ему на плечо и ободряюще сжала его. Она поспешно отдернула руку, но, к ее облегчению, он, казалось, ничего не заметил, слишком поглощенный обсуждением.

В следующие минуты Дафне было трудно следить за дискуссией в соседней комнате. Она была слишком занята собственными мыслями. Она знала, что присутствие Гарри было важно для ее матери, но только сейчас начала постепенно понимать причины этого. Уголкем глаза она наблюдала за ним. Его юность, должно быть, была ужасной. Даже с Сайрусом рядом и давлением, заставляющим делать многие вещи «по-старому», ей удавалось проводить большую часть времени так, как ей нравилось. Да, многие девушки, с которыми ей приходилось проводить время, считали ее стиль чтения и обучения странным - если говорить вежливо. Но ей нравилось именно так, и ее очаровательная мама всегда поддерживала ее, не говоря уже о бабушке.

Она не могла представить себе жизнь без любящей матери или надоедливой, но такой же любящей сестры. Каково это - жить втайне от всех, чтобы тебе каждый день говорили, какая ты ненормальная?

«Можешь говорить, что хочешь». Дафна вернулась из своих глубоких размышлений, когда тон голоса ее матери снова изменился. Она знала этот тон. Мать говорила так, когда что-то решала, и Дафна никогда не видела, чтобы кто-то мог изменить ее мнение в таком состоянии. «Я спрошу его, и если он захочет остаться, то будет здесь до конца лета. А если он... если он решит стать частью нашей семьи, я оформлю усыновление официально. Ему пора научиться жить собственной жизнью, принимать собственные решения. Я не позволю тебе влиять на него, как это было в прошлом. И ты знаешь, что закон на моей стороне».